

OROSZ IRÓK MAGYAR SZEMMEL I.

Szerkesztette: D. Zöldhelyi Zsuzsa. Tankönyvkiadó,
1983. 593 + 8 tabl.

Последняя четверть века - пора возмужания венгерской литературной русистики, позже всех - в европейских странах социализма - вступившей на путь самостоятельного развития. Наряду с исследованиями по истории и поэтике русской и советской литературы, заметных успехов добивается и наша компаратистика.

Фундаментом для всех изысканий в области изучения венгеро-русских литературных связей стало создание библиографий под редакцией Ш. Козоча и Д. Радо /начиная с 1947 года до настоящего времени вышло уже 10 томов/. Библиографии эти, охватывающие восприятие русской литературы в Венгрии с 20-х гг. XIX в. /а литератур других народов СССР начиная с XVI века/ вплоть до 1970 года, являются источником богатейшего материала.

Основываясь в значительной мере на данных этой серии библиографий, был создан первый крупный синтез по истории литературных отношений Венгрии и России - СССР -- трехтомный сборник статей, выпущенный в 1961 г. академическими литературоведческими институтами наших стран. Вместе с вышедшими позднее книгами И. Рейте, Б. Лендела и Й. Вальдапфела, а также десятками статей в филологических журналах, служащими его перманентными дополнениями, эта "коллективная монография" - по сей день наиболее достоверный источник фактических сведений, а также отправной пункт для дальнейших изысканий как вглубь, так и вширь.

Третьим основным "жанром", в котором работают венгерские русисты-компаратисты, является серия хрестоматий историко-рецепционных материалов. Опираясь на опыт создания таких монографических, т.е. посвященных одному воспринимаемому автору, книг как напр., "М. Горький в Венгрии" /1951/

или "Поэт и пророк" /1978, о Л. Толстом/, эта серия ставит себе цели, далеко превосходящие возможности последних во многих отношениях.

"Русские писатели глазами венгров" I. - первый том этой серии. Инициатор замысла, редактор и автор вступительных очерков к отдельным разделам - известный русист, доцент Будапештского университета Жужа Зельдхейи. Выпуск этот - расширенный и переработанный вариант опробованного на вузовской практике университетского пособия под тем же названием. Вся серия будет охватывать свыше полутора веков - практически весь XIX и XX вв., т.е. все то время, когда русская литература активно присутствует в венгерском литературном процессе. Всю серию задумано осуществить в три этапа, в соответствии с тремя основными историческими периодами указанной эпохи. Естественными цезурами между ними выступают 1919 и 1945 годы.

Рецензируемый том, охватывающий первый период /1820--1919/, содержит критические материалы. Во второй войдут наиболее интересные образцы художественных переводов. Его материал, известный нам в виде университетского пособия, явится интересной иллюстрацией важнейших "теоретических" принципов первого тома.

Цель книги - "представить основные документы венгерского восприятия русской литературы - оценки русской литературы, данные венгерскими писателями, художественные произведения на русскую тему, статьи венгерских газет и журналов". На первой же странице предисловия обнаруживается, насколько современна и педагогична /в лучшем смысле слова/ позиция составителя: "В ряде случаев мы стремились показать именно различные мнения, с целью помочь студентам выработать в ходе знакомства с текстами собственную позицию".

Большая часть материала служит демонстрации критического восприятия. Проблема влияния ставится лишь в тех слу-

чаях, когда это возможно уже на основе научной литературы. Зато внимание читателя чуть ли не с первых страниц приковывается к типологическому сопоставлению венгерской и русской литератур, необходимость, а также возможность которого убедительно раскрыта Ж. Зельдхейи в плане как общих родственных черт литератур народов Восточной Европы в XIX в., так и специфических особенностей развития стран этого региона по отношению к России и русской литературе. Опираясь на последние данные науки, составитель создает солидный фон для своих дальнейших построений в обзорах отдельных периодов. Три четверти книги составляют сами тексты. Каждый раздел открывается вступительным словом составителя. В приложении приводится ряд документов.

В книге Ж. Зельдхейи с помощью широко документированного материала подтверждается высказанная еще в 1912 году тонким критиком А. Шепфлином надежда на то, что если когда-нибудь у нас будет собственная филологическая наука, то "вероятно как наиболее характерная черта последних 40 лет будет установлено влияние русской литературы, в частности, Пушкина и Тургенева, на венгерских писателей". Вся книга служит свидетельством реализации этой робкой мечты. Составитель вместе с помощниками /Бергнэ Эва Терек, Агнеш Дуккон и Виктор Легради/ проделали колоссальную работу, "просмотрев" с точки зрения темы книги венгерскую периодику целого столетия. Радует широта охвата материала: кроме критических статей они привлекали и художественную литературу, дневники и письма, даже газетные анонсы. В результате читатель становится свидетелем живого диалога представителей различных школ нескольких поколений в различных жанрах.

Обширный материал разделен на четыре неравные части. Из определяющей роли воспринимающей литературы следует, что восприятие русской литературы рассматривается здесь в соответствии с периодами развития венгерской литературы. XIX--

XX вв. Небольшое техническое неудобство /необходимость поисков сведений об отдельных авторах в двух разных периодах, напр., о Пушкине и Гоголе в 1 и 2, Тургеневе во 2 и 3, Толстом, Чехове и Горьком - в 3 и 4 и т.д./ вполне компенсируется ясностью обрисовки силовых линий, и практически сводится на нет наличием тщательно составленного именного указателя.

Первый период изучаемых ста лет - это три десятилетия, называемые в венгерской историографии "эпохой реформ", т.е. время подготовки буржуазно-демократической революции 1848-49 гг.

Самыми первыми памятниками, включенными в книгу, выступают два отрывка из стихотворных произведений известных литераторов; написанные еще в конце XVIII в., к русской литературе они еще прямого отношения не имеют. Общее в них - тема современной поэтам России - все же оправдывает их присутствие. Их наличие одновременно говорит также об отсутствии венгерских сведений до 1820-х гг. о традициях допушкинской русской литературы. Малый объем этого раздела /всего 6 % текстовой площади книги/ - результат не поверхностного просмотра не слишком многочисленной периодики того времени, а отражение объективной картины, являющееся следствием "осторожного", т.е. настороженного в целом отношения венгерского дворянства начала XIX в. к стране "близнеца австрийской тирании" - русского царизма. Этим определяется и наличие лишь разрозненных мелких сведений о культуре России в газетах 1800-1810 гг., в которых лишь к середине 20-х гг. будут напечатаны - по английским источникам - первые обзоры. Они тем более ценны, что взяты из "Полярной Звезды" декабристов. /Вообще о декабристах в разное время доходит до нас если и не многое, то довольно существенное/.

Обзоры "отца венгерского литературоведения" Ференца Тольди, появляющиеся с 1828 года и опирающиеся на английские и даже - косвенно - русские источники, возникают в контексте знакомства с духовной культурой народов-соседей и

строятся на моментах сопоставления с отечественной литературой. В них ставится уже вопрос о важности перевода лучших произведений на венгерский язык. Эти переводы /Пушкин, Лермонтов, Гоголь/ действительно начинают появляться уже с 1838 года, правда, еще без указания автора.

Этот период служит как бы увертюрой к популярности русской литературы в позднейшие времена.

Второй период охватывает 1849--1867 годы. Первая его половина /годы победившей контрреволюции/ характеризуется еще только численным ростом переводов и появлением первых обстоятельных обзоров состояния русской литературы /в частности, по книге Герцена "Развитие революционных идей в России"/, во второй же наблюдается уже начало проникновения критического реализма в венгерскую литературу через русские образцы.

Определяющее направление венгерской литературы этого периода, т. наз. народно-национальная школа в восприятии русской литературы опирается еще лишь на произведения предыдущего периода. Для Я. Араня Пушкин, напр., прежде всего автор сказок, инспирированных фольклором. Но показательно, что Арань же - своим переводом "Шинели" Гоголя в 1861 г. - вводит в нашу литературу героя и конфликт нового типа. Главный русский автор этого периода у нас - Тургенев, и по его произведениям начинает создаваться уже более правдивая картина России, что в свою очередь способствует пробуждению реальной национальной самооценки и в венгерской литературе. Переводы произведений Тургенева вследствие неразработанности языковых средств реалистической прозы в эти десятилетия еще носят романтический, отчасти даже сентиментальный характер.

1866 - год появления перевода "Евгения Онегина" работы Кароя Берци. Этот перевод, выдержав 21 издание, будет читаться в течение почти 90 лет. Исключительная популярность романа в стихах Пушкина приводит к расцвету этого жанра и в венгерской литературе, что справедливо считается прелюдией критического реализма.

Третий период /1868--1905/ прежде всего во всем величии представит венгерскому читателю Гоголя. Это обусловлено ростом критического мышления нового поколения писателей. /Есть попытки использования Гоголя и для разоблачения России в чисто внешнеполитических целях прогерманской ориентации, такова напр., интерпретация "Ревизора" в спектаклях 70-х годов/. Характерно и то, чего не переводят: так, все романы Тургенева на венгерском языке появляются еще при жизни писателя, и только перевод "Накануне" выходит лишь к 1887 г. Не забудем, что в русско-турецкой войне Австро-Венгрия держит сторону Турции.

Разной оказывается и оценка произведений о "нигилистах": консервативная критика объявляет, напр., романы "Новь" и "Что делать?" устрашающими примерами, прогрессивные же силы подчеркивают нравственную чистоту героев этих романов.

Ж. Зельдхейн подробно рассматривает проблемы, возникающие при анализе наиболее значительного из "русских" романов Мора Йокаи о декабристах и Пушкине "Свобода под снегом" /1879/. Это делается тем более компетентно, что этот роман был подготовлен к печати в академическом полном собрании сочинений писателя именно Жужей Зельдхейн, так же, как и другой, насыщенный русскими мотивами - "Роман будущего столетия".

С опозданием появляющиеся в Венгрии романы Толстого и Достоевского звучат в унисон с настроениями нового поколения писателей, которые не удовлетворяются идиллическим изображением общества и разочаровываются в буржуазном развитии, ускоряющемся после создания дуалистической Австро-Венгрии в 1867 году. В этой новой обстановке назревают благоприятные условия для восприятия романов Толстого и Достоевского в 80-е годы.

Тексты наиболее компетентных авторов, посвященные двум

великанам русской прозы XIX века, свидетельствуют о глубоком проникновении наших лучших умов прошлого столетия в проблематику эпохальных произведений русской литературы. Раскрытие Д. Ревизки основного содержания "Войны и мира" /1887/, разбор Ш. Хевеши "Преступления и наказания" /1897/, общая характеристика психологизма Достоевского Г. Войновичем /1904/, безусловно, относятся к лучшим страницам зарубежной литературной "Rossica" вообще.

Статьи переводчика Э. Сабо о русской литературе в многотомной энциклопедии "Паллас" /1893--96 гг./ показательны своим высоким уровнем; и это в стране, где в первые 120 /1/ лет восприятия русских писателей вообще не имелось вузовской кафедры, изучающей эту литературу. В этой же связи отметим и книги гимназического учителя из Бестерцебани Л. Подхладски, посвященные допушкинской русской литературе: в хрестоматии приведены некоторые отрывки из его книги о XVIII веке.

Многие интересные документы - критические статьи, писательские признания и отрывки из художественных произведений иллюстрируют мысль составителя о многогранном влиянии Тургенева на венгерских писателей этого периода.

Пользуясь термином Ж. Зельдхейи из ее работы 1962 г., следует отметить, что, вероятно, "неорганический момент восприятия" приходится усматривать в том, что ни "Обломов", ни романы Салтыкова-Щедрина не доходят в свое время до венгров-современников, несмотря на то, что эти произведения могли бы рассчитывать на безусловное созвучие.

На стыке XIX и XX вв. возникают уже интересные репортажи "с мест" - о театральных событиях Москвы и Петербурга, описания встреч с Л. Толстым и М. Горьким.

Наблюдается определенная взаимосвязь между фактом зарождения жанра рассказа в венгерской литературе конца XIX в. и ростом интереса к русским новеллам, в особенности к

Чехову в 90-х и Горькому и Л. Андрееву в 1900-х годах.

Статьи Э. Вильднера /1900/, В. Чолноки /1902/ и Д. Сини /1904/ о прозе и театре Чехова свидетельствуют о тонком, адекватном прочтении, рождающемся из собственных потребностей. Для работ первого из них, кстати, не профессионального литературоведа, особенно характерно масштабное мышление. См. его труды о Толстом и Горьком, в частности, о романе "Мать" /1907/.

Горький в первые годы XX в., т.е. в начале своей, надо сказать, совершенно "безбрежной" популярности в Венгрии, большинством рецензентов объявляется певцом босаячества: в этом сказывается не только недостаточная восприимчивость к новым явлениям вследствие отсутствия отечественных аналогий, но и типологическое соответствие подобной рецепции в Германии, Франции и т.д.

13 годам четвертого периода недаром отводится ок. 40 % текстовой площади книги. Это один из важнейших, богатейших периодов истории нашей литературы: в эти короткие полтора десятилетия на почве накопления огромного социального заряда и в тесном взаимодействии с ним вырастает новая венгерская литература, несущая наиболее прогрессивные идеи века в новых художественных формах. И рождение этой новой литературы, это видно и по материалам хрестоматии, происходило в интенсивной внутренней связи с ростом интереса писателей к произведениям русской литературы.

Основной вывод, который рождается при виде событий первой русской революции /и даже при ее приближении/ у наших писателей - это мысль об исключительной роли русской литературы в духовной подготовке нового общественного сознания русского народа. В. Чолноки уже в 1902 г. пишет по поводу рассказов Чехова: "Каждая русская новелла это маленькая бомба, разрушающая какой-нибудь общественный пред-рассудок". В вечер Кровавого воскресенья с петербургских

баррикад приходят еще только первые вести, а в Будапеште уже понимают: "Энциклопедистами этой революции в России были писатели и поэты".

Не случайно, что именно в эти годы высказывается приведенная в начале рецензии мысль А. Шепфлина о будущей филологической науке, которая оценит огромное влияние русской литературы на венгерских писателей. Эта мысль возникает в условиях все более глубокого понимания значительной общности исторических условий жизни и судеб наших народов. /И тем парадоксальнее факты, на которые приходится сетовать Шепфлину: "... и в стране почти нет человека, который умел бы читать по-русски, или... бывал бы в Москве или Санкт-Петербурге"/.

Как многие авторы этого периода указывают, дело не просто в сходстве некоторых природных условий или отдельных моментов исторического развития: корень проблемы усматривается в "братстве земель" и "родстве настроений". /Рецензент мемуаров Кропоткина прямо пишет: "Душа народа плачет одинаково на берегу Волги и Тисы, разница разве что в технике инструмента"/. Этим обуславливается в конечном итоге, с одной стороны, тот беспримерный резонанс, который в крупнейших наших писателях будят события русской истории и важнейшие явления русской литературы, и, с другой - то, что почти нет значительного венгерского писателя, который не испытал бы на себе заметного воздействия Достоевского или Толстого, Чехова или Горького. Не случайно, что одним из центральных "рецепторов" в это время является выдающийся поэт - "буревестник венгерской революции" Эндре Ади: он не только немедленно реагирует на многие события на востоке, будь то восстание на броненосце "Потемкин" или арест Горького, но и встраивает эти импульсы в свой собственный творческий мир. В этом же отношении показательны многочисленные статьи поэта Дьюлы Юхаса, приведенные в хрестоматии, интересные отклики Арпада Тота и Деже Костолани так же, как и отрывок из работы молодого Дьердя Лукача о развитии драмы.

И совершенно своеобразную форму отражения и выражения симпатий к русской литературе представляют собой рассказы и романы Дьюлы Круди. Число отрывков из них можно было бы увеличить в книге: это примеры причудливого смешения литературы и жизни, мечты и яви в виде как бы второго рождения популярных пушкинских, тургеневских и др. героев в сознании венгерских персонажей-созерцателей.

Особо нужно выделить обширную литературу о Л. Толстом. Здесь звучит, пожалуй, вся гамма венгерских откликов. На наш взгляд, наибольший интерес представляют здесь впервые "найденные" в газетном море и помещенные в хрестоматии статьи трех авторов. Основные положения философии Толстого, определяемой Отто Вальдапфелем /1906/ как "этический анархизм", анализируются в их точках соприкосновения и различия с социализмом. В некрологе, написанном выдающимся радикальным мыслителем Оскаром Яси, указывается на соотношение толстовского поведения и требований революционной борьбы. В статье к 80-летию писателя один из идеологов венгерской социал-демократии Жигмонд Кунфи устанавливает тесную связь системы взглядов Толстого с "качеством, мироощущением и мировоззрением русского и вообще международного крестьянства".

Иначе, чем в начале XX в., воспринимается в это пред-революционное десятилетие и Максим Горький. С одной стороны, от него отходит в качестве читателя городской буржуа и наиболее тесно связанная с господствующей идеологией часть интеллигенции, с другой стороны, все более своим признает его рабочий класс. Кстати, это положение могло бы быть значительно шире документировано в хрестоматии: социал-демократическая печать и профсоюзные газеты 1900-1910 гг. изобилуют прекрасными материалами такого рода.

В высказываниях венгерских литераторов начальных десятилетий нашего столетия в форме совершенно объективного признания мы встречаем все более четко звучащую мысль о той роли, которую русская литература уже к этому времени

играет в мировом литературном процессе. Е. Эрдель в 1912 году пишет следующее: "Эта русская культура, воспламенившая тысячи и десятки тысяч здоровых человеческих умов, должна быть великой и могущественной, и своим богатством должна овладеть разумом мира так же, как показом нищеты она покорила сердца". И тем же годом датируется мысль Шепфлина в уже цитированной статье: "Народ, живущий в наиболее глубокой общественной, политической и экономической отсталости и имеющий самую богатую и самую глубокую литературу, через эту литературу за последние десятилетия вышел в духовные властители всего мира".

Заключительные страницы книги посвящены наиболее квалифицированным отзывам о русской литературе периода 133-дневной Венгерской Советской Республики 1919 года.

Опубликованные в книге материалы обогащают наши представления о венгеро-русских литературных связях еще в одном плане: на наших глазах расширяется /по сравнению с другими странами, разумеется, неизбежно весьма узкий/ круг русских писателей, побывавших в Венгрии. На данный момент в этот круг /до 1945 года/ входят: А. Вербицкая /1903/, В. Короленко /до 1907 г./, Л. Пантелеев /начало XX в./, И. Бунин /1914/ и М. Кольцов /1926/.

В приложении, за исключением двух дневниковых записей, дается эпистолярный материал. Это, кроме двух писем Герцена Ференцу Пульски /см. в "Лит. наследстве": "Герцен в зарубежных коллекциях", 1958/, письма венгерских литераторов и читателей к Чехову, Л. Пантелееву, Короленко, О. Михайловой-Чюминой и Л. Толстому. /Они опубликованы Ж. Зельдхейи в журналах *Filológiai Közlöny*, *Magyar Tudomány*, *Studia Slavica* в 60-70 годах/.

Полезными будут, особенно для основного адресата книги - студентов-русистов, справочные отделы: справки о неко-

торых именах, отчасти авторов включенных в хрестоматию статей, отчасти упоминаемых в статьях, а также характеристика периодических изданий, служивших источником подбора материала книги.

Книгу завершают: избранная библиография работ по венгеро-русским литературным связям 1820 -- 1919 гг., имен-ной указатель, а также иллюстрации - факсимиле статей и писем, репродукции обложек и книжных иллюстраций, театраль-ных и киноматериалов.

Мы с интересом ждем продолжения книги, тем более, что именно эта серия может стать основным учебным материалом для вводимого в настоящее время в университетах спецсеми-нара по изучению истории венгеро-русских литературных свя-зей.

И. Феньвеш